

Который окружен отечества сынами,
Как новый был Атрид у Трои под стенами...

С другой стороны, сразу же представлена генеалогия русских царей, которая определяет собой идеологическую направленность изображения Московского государства. Вот слова Адашева в первой песни:

«Се Рюрик, предок твой, — вещает он царю, —
Троянску отрасль в нем и Августову зрю;
Он, силы подкрепив колеблемой державы,
Потомкам начертал бессмертный образ славы...»

Иоанн Васильевич одновременно потомок Енея и новый Атрид. Противоречивость его образа и всего образа России находит свое решение в христианском идеале и в дальнейшей истории России после взятия Казани. В восьмой песни представлен сон Грозного и видение отшельника, пророчествующего о дальнейшем ходе истории России. Кульминация рассказа относится к екатерининскому времени. Здесь провиденциальное чтение истории находит свою вершину, свое откровение в прямом смысле слова (не забудем, что в 1777 г. родился будущий царь Александр Павлович):

Придут к ней цари, как в древний Вифлием,
Не злато расточать, не зданьям дивиться
Придут к ней цари, но царствовать учиться...

В «Россиаде» проглядывает сложное и противоречивое переплетение соответствий символического характера между центром и периферией. А именно: с Иерусалимом, Царьградом и Римом как бы соотнесены Москва, Санкт-Петербург и Казань (центральный характер Санкт-Петербурга — это новый элемент, придающий делу Петра сакральную окраску). Иерусалим и Москва — это святые города, Царьград и Санкт-Петербург — это города царской власти, в то время как Рим и Казань — это города для нового завоевания и дальнейшего расширения империи. Не надо забывать, что «Россиада» отражает и атмосферу годов Пугачевского бунта и его подавления, и одновременно особую евразийскую направленность правительств Екатерины II. К этому надо добавить и крымскую тематику (присутствующую в «Россиаде»), которая была особенно актуальной в эти же годы.¹⁵ Стратегическое значение Казани тут очевидно, как и очевиден рост культурного и политического значения города.

¹⁵ См.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2001.